84Р7-5
В-96

Валерий Вьюхин

Поколение

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач. _____

14/2 . Рабоч

3 ТМО Т. 3.600.000 Э

ЧЧ 02 07 12 12с Рх

ЭУ

Валерий Вьюхин

Поколение

Стихотворения

071335

Сыктывкар
Коми книжное издательство
1991

Сыктывкарская ЦБС

84 Р7-5
В 96

Вьюхин В. Н.

В 96 Поколение: Стихотворения.— Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1991.— 88 с.

ISBN 5-7555-0309-5

Новые стихи Валерия Вьюхина продолжают темы трех предыдущих сборников, вышедших в Сыктывкаре и в Москве. Основу этой книги составляют стихи о судьбах поколения, родившегося в грозные годы войны. Ярко, лирично автор говорит о природе Севера, о многотрудной авиаторской работе. Вьюхин умеет увидеть сокровенный смысл простых и сложных событий, придать им поэтическое выражение.

С $\frac{4702010102 - 004}{М\ 128(3) - 91}$ 15 — 91 м

ISBN 5-7555-0309-5

© Вьюхин В. Н., 1991

Летописцы

СВЕРСТНИКАМ

Бывает, в преддверье зимы
Проклюнется позднее семя.
Вот так появились и мы
Не в самое лучшее время.

Мы, дети последней войны,
Познали сполна лихолетье.
И все ж мы увидеть должны
Дни нового тысячелетья.

Быть может, природою в нас
Заложены сильные гены
С расчетом на долгий запас,
На случай любой перемены.

ЛЕТОПИСЦЫ

Послевоенная школа.
Класс до отказа набит.
Дивная сила глагола
Юные души знобит.

Тихо за школьною дверью,
Только часами подряд,
Как заведенные, перья
Над падежами скрипят.

Тонкая рвется бумага,
Класс не шутя увлечен.
Словно на стенах Рейхстага —
Крупные буквы в наклон.

А за окошком Россия —
Только что, после войны.
Избы, как ямы, пустые,
Очи слезами полны.

Пишутся новые главы
В книге побед и потерь.
Дети великой державы
Вновь летописцы теперь.

ДАВНЕЕ

Я мальчишкой попал в Ленинград,
Разомкнув деревенские тропы.
Ни мосты, ни узоры оград —
Я сначала увидел окопы.

Или то, что осталось от них
На переднем краю обороны.
Каждый в поезде сразу затих,
Словно током прошило вагоны.

И на миг нам послышался гул,
Будто эхо былой канонады.

Кто-то голову в плечи втянул,
Словно сверху летели снаряды.

За окном проступал Ленинград,
Переезды хрипели вдогонку,
И все чаще отыскивал взгляд
Незаплывшую глиной воронку.

Потрясал этот странный пейзаж.
Ни дворцы, ни высокие шпили,
Ни огромный пустой Эрмитаж
Так при встрече меня не смутили.

Я подолгу стоял у Невы,
Ощущая историю рядом,
А в глазах — те окопы и рвы,
Что под самым почти Ленинградом.

ПОКОЛЕНИЕ

Сорвавшись с крутого витка,
Затихло мое поколенье.
Так бурная прежде река
В глубинное входит теченье.

Оно подошло к рубежу,
Когда так важны результаты.
И я с беспокойством гляжу,
Что ими-то мы не богаты.

Могли б отличиться вполне,
А что оказалось на деле?
Не выросли мы к целине,
А к БАМу уже постарели.

Могли бы при случае стать
Героями шумных компаний.
За нами же мертвая гладь —
Ни злобы, ни рукоплесканий.

И не было с нами забот,
Мы все понимали с полслова.
Нам всем запечатало рот
Еще кукурузой Хрущева.

Но вот мы пошли напролом!
Мы вовсе не то поколенье,
Которое вспомнят потом
С досадою и сожаленьем.

О ГЕРОЯХ

Герои реальности нашей...
Их сразу заметишь едва ль.
Тот водит машины, тот пашет,
Тот строит в тайге магистраль.

Как дома они на заводе,
Их жизнь — созидательный труд,
И если коснется, то оде
Сатиру они предпочтут.

Не рвутся они на трибуны,
Не надо им лавров чужих,
Но жизни могучие струны
Руками натянуты их.

Найдут настоящее дело
Они без отдела реклам,

Чтоб пело оно и звенело
И чтоб прикипало к рукам.

О судьбах страны беспокоясь,
Все могут они перенесть
С тобою, рабочая совесть,
С тобою, рабочая честь.

ПО ВСЕЙ ЗЕМЛЕ

Ребята неприметных деревень,
Повсюду я встречаю ваши лица.
Махнув однажды в детстве за плетень,
Мы не могли на том остановиться.

По всей земле, как улицей села,
Мы шли вперед походкою степенной,
Лесная сказка бережно вела
По небесам, по морю, по вселенной.

Без нас шумели тихие леса,
Без нас качались песни над рекою,
Ракеты поднимались в небеса,
Сработанные нашею рукою.

Привыкшая, казалось, к топору,
Рука теперь упрямо привыкала
К простору белых ватманов, к перу,
К прохладе самолетного штурвала.

Все было так, но в буднях бытия
К нам приходило прошлое нежданно
Со звоном струй весеннего ручья,
Со сладковатым привкусом тумана.

За пультами огромных кораблей
Мы, забываясь, бредили деревней,
Где мир вокруг просторней и светлей,
А речь людей и проще и напевней.

НА СЕВЕРНОЙ БУРОВОЙ

Снега и снега. Мелколесье.
Средина полярной зимы.
Пурги родовое поместье
Угрюмые прячут холмы.

Отсюда, сугробы взметая,
Метель выползает, урча.
Встречает ее буровая
Громадой стального плеча.

Сойдутся они в поединке
И бьются часами подряд.
Летящие косо снежинки
Как белые осы звенят.

На всем одичалом просторе
Ни тени, ни точки живой.
Как мачта в бушующем море,
Качается сталь буровой.

Бурильщики с северным стажем
Привыкли к капризам зимы,
Работают, зная, что скважин
Никто не предложит взаймы.

А надо здесь в землю вгрызаться,
Чтоб снег этот нефтью пропах.

Возможно, о том полабзаца
Газеты черкнут впопыхах.

Крошатся надежные буры,
Зажатые в пласт вековой,
И хвойных дерев абажуры
Качаются в такт буровой.

ГОРОД

Старый город, ты стал знаменит
За историю, может, впервые.
Разъяренным вулканом дымит
И грохочет твоя индустрия.

В торопливых колонках газет
И твое не потеряно имя.
В беспокойную хронику лет
Ты заводами въехал своими.

Дым стоит над тобой до небес,
К сожалению, с привкусом гари.
Пожелтел на окраинах лес
И пропали грибы на базаре.

Ты крутым разворотом плеча
Вздыбил землю в огромных отвалах,
Даже лишней земли сгоряча
Потревожил, наверно, немало.

Ты железным своим рукавом
Стер черты захолустного быта,
И пустил, что мешало, на слом —
Не спасла никакая защита.

Ты крушил деревянный уклад,
Словно ребра, трещали стропила.
Старина месяцами подряд
На развалинах тех голосила.

Словно давний недуг, превозмог
Ты былую свою захудалость,
Все сменил, даже свой говорок,
Только прежнее имя осталось.

Старый город, ты стал знаменит...
Позабыв все былые обиды
Из бетонных панелей и плит
Ты поставил свои пирамиды.

РАБОТА

Когда вернемся из полета,
То с облегчением вздохнем.
У нас сидячая работа,
Но не за письменным столом.

На легкомысленную славу.
Не покушается она,
Дисциплинарному уставу
Она во всем подчинена.

Вверху прекрасная погода.
С чего же волос поредел?
От недостатка ль кислорода,
Иль от избытка децибелл.

В кабине солнечно и чисто,
Блестит приборное стекло.

Не отойти, не отлучиться
От этих кнопок и табло.

Не пропустить, не ошибиться,
Не прозевать на вираже.
Окно в кабине, как бойница.
В него глядим настороже.

У нас работа как работа.
Ее ни в чем не упрекнем.
Но возвратившись из полета,
Мы с облегчением вздохнем.

СТАРЫЙ САМОЛЕТ

Распластав перебитые крылья,
Самолет доживает свой век.
Он стоит, засыпаемый пылью,
В окруженьи таких же калек.

По жестоким небесным законам
Он давно уж свое отлетал.
Отгудел по таежным районам,
Отработал надежный металл.

И теперь далеко за огнями
Он оставлен, никем не храним.
И флажок, как застывшее пламя,
Язычком провисает под ним.

Ожидает нас эта же доля,
Отсияет и наша звезда.
На какое-то лётное поле
Мы вернемся уже навсегда.

Будем жить хорошо или плохо,
Но не в этом глубинная суть —
До черты, до последнего вздоха
Будет в небо как прежде тянуть.

НОЧНОЕ НЕБО

Мы летим параллельно земле.
Ночь на небо луну приколола.
А внизу, будто угли в золе,
Чуть искрятся деревни и села.

Не торопится поздний рассвет,
Ночь мерцает, как сотни коптилок.
И туманность развесила плед
С переливами звездных опилок.

Утро снова луну украдет,
Спрячет в облако — в шубу соболью.
Отмерцает ночной небосвод,
Словно бархат, изъеденный молью.

Тайна ночи исчезнет опять,
Мир проявится, словно на пленке,
Облака будут снова блуждать,
Пропадая в небесной воронке.

ОТВЕТ

Плетут: полетает, попишет стихи,
И то и другое не трудное дело.

А сердце болит от такой чепухи —
Опять за живое задело.

Позвольте, а вы попадали в грозу?
Не в ту, что грохочет от вас в отдаленьи,
А в ту, что судьбою висит на носу,
И ты различаешь стихии кипенье.

Когда, как игрушку, трясет самолет
И стекла пылают лиловым накалом,
Когда... Но, простите, другое не в счет,
Хотя и другого с избытком хватало.

А если зайдет о стихах разговор —
Они не нуждаются в чьей-то защите.
Поставьте метафор колючий забор
И душу свою сквозь него протащите.

Она зарыдает, кроваво сочась,
И вся изойдется в торжественной муке,
Пока подбирает словесную вязь,
Пока источает, что капельки, звуки.

И если усилия те не видны,
То это не промах, а, может, заслуга.
Вам лучше не знать настоящей цены
Затраченных нервов, трудов и досуга.

ЗЕМЛЯНИКА

В глухом краю — заросший луг.
В его траве, как первый иней,
Белеет пятнами вокруг
Недогоревший алюминий.

Лежат белесые листы,
Травою свежей перевиты.
Кабины рваные пусты
И навсегда полуоткрыты.

Их зверь подальше обойдет,
И птица их посторонится.
Лишь грустный свет на самолет
Уронит красная зарница.

И долго бродят по ночам
На травах призрачные блики.
А днем земля здесь горяча,
Земля красна от земляники.

Но эти ягоды не рвут,
Их пальцы вытерпят едва ли.
Они созреют, упадут
И запекутся на дюрали.

САМОЛЕТЫ

Слетятся к утру самолеты.
Под ними, стоящими в ряд,
Как новеньких книг переплеты,
Бетонные плиты хрустят.

Сухим опереньем мерцая,
Стоят самолеты вокруг,
Как птиц исполинская стая
Пред скорым отлетом на юг.

Их драят до лунного блеска,
Поят их на сутки вперед.

Следят, чтоб любая железка
С запасом годилась в полет.

Следят, чтобы тонкие крылья
По-прежнему были крепки,
Надежны тросов сухожилья,
Светлы по бокам маяки.

Но стихнет вокруг суматоха,
И вновь оживут «туполя».
От первого сильного вздоха
Качнется и дрогнет земля.

ВЕЛИЧИЕ МИРА

Мир этот безмерно велик,
Но часто мы счастливы малым,
К примеру, букетом гвоздик
С кипением белым и алым.

К примеру, улыбкой жены,
Приветствием старого друга,
Спокойным дыханьем весны,
Удачным теченьем досуга.

Весь мир охватить не дано
Ни мыслью, ни чувством, ни взглядом.
Вселенная, словно панно,
Которое высится рядом.

Мы видим картины куски,
Как будто обрывки клавира,
И пишем на них от руки
Свое понимание мира.

Но можно так волю напрячь,
Что выделишь в гуле вселенной
Зверька беззащитного плач
И грохот машины военной.

И как не сорваться на крик
Пред тем, что откроется глазу.
Мир этот безмерно велик,
Но только не всем и не сразу.

НАС МНОГО

Нас выделить трудно,
Как певчих из хора —
Нас много на этой земле.
Лишь чувство достоинства
Или позора
Печатью горит на челе.

Те чувства не скроешь
Под плотною маской,
Не вытравишь горьким вином.
Какие пороки
С понятной опаской
Подчас замечаешь кругом.

Ошибка считать,
Что все люди святые,
Что грешные — промах вдвойне.
Такие как есть,
И свои, и чужие,
Сограждане дороги мне.

На ткань этой жизни
С вниманьем взгляните,

071335

Сыктывкарская
ЦБС

Не слишком изящна она.
Соседствуют с крепкими
Слабые нити,
Но ткань не по виду прочна.

МОЙ ГОРОД

Вода и лес окольцевали
Тебя, мой город, навсегда.
Такую ширь, такие дали
Не все имеют города.

Между железною дорогой
И полноводною рекой
Твой герб с медведем и берлогой
Поставлен мудрою рукой.

Давно не признак глухомани,
Давно не символ старины —
Твой герб подчеркивает грани
Минувших лет и новизны.

Уже давно из подворотни
Твоих не слышно петухов.
Ты, может, в первой полусотне
В ряду российских городов.

Ровняя старые овраги,
Стоишь с ковшом наперевес,
И в горы глянцевой бумаги
Ты перемалываешь лес.

Нетерпеливою рукою
Ты ставишь трубы и дома,
Литой бетонною строкою
Ты пишешь целые тома.

ГЛУБИНКА

Такую страну не объедешь,
Не то что исходишь пешком.
Так много простора, а бредишь
Каким-то одним уголком.

Одним небольшим, невезучим,
Где путного нет ничего,
И время уже не озвучит
Безвестное имя его.

В стране, где республик немало,
В стране, где десятки столиц,
Никто не запишет в анналы
Деревню на сорок светлиц.

Она прозябает на свете,
Живет вне течений и схем,
Известна в своем сельсовете,
И то, надо думать, не всем.

Нерадостна участь глубинки,
Хотя и ничтожна вина.
Негромкие будут поминки,
Когда вдруг исчезнет она.

ПОТЕРИ

О Муза, твои корифеи
Так рано уходят от нас.
Их путь заставляет трезвее
Взглянуть на российский Парнас.

Не им восхищенные дамы
Бросали из зала цветы,

Творили они без рекламы,
Без шума и без суеты.

Не прятались за псевдонимы,
За бронь обтекаемых фраз.
Не раз они были хулимы,
Унижены были не раз.

Немалые были усилья,
Чтоб их отодвинуть назад,
Но славы широкие крылья
Над их именами шумят.

Уходят от нас корифеи.
Их место не скоро займут.
Их тощие с виду портфели
Все жилы иным оборвут.

РАЗГОВОР

Он послушал, послушал стихи
И развеял дымок сигареты:
— До чего же порою тихи
Современные наши поэты.

Все спокойно в стихах и в судьбе,
Все пристойно, уныло и гладко.
Сколько можно писать о себе,
Да и то на кого-то с оглядкой.

Где же страсти, где слезы и боль,
Где раскованность чувства и слова?
Где поэзии вечный пароль
И ее золотая основа?

Он как будто читал приговор,
Словом метил в меня, словно жалом.
Надо б крикнуть, что все это вздор,
Надо б крикнуть...
Да поздно, пожалуй.

ПРИЗНАНИЕ

Поклон тебе, испытанная Муза,
Поклон до самой матушки-земли.
И честь, и совесть нашего союза
Мы через годы верно пронесли.

Не каждый день тебя я беспокою,
Не кличу за перо по пустяку.
Ты не всегда бываешь под рукою,
Когда слова слагаются в строку.

Я счастлив, если что-то удается
Условиям и веку вопреки.
Но не всегда, бывает, почерпнется
Незамутненной влаги из реки.

И заблуждаясь в чем-то ненароком,
Не ошибиться б только в основном —
Чтоб жизнь была поэзии истоком,
А ложь и зло не двигали пером.

Чтоб никогда бестрепетно и всуе
Не прикасаться к чистому листу.
Не жертвуя ничем и не рискуя,
Не скажешь ничего начистоту.

О ПЕСНЕ

Приходят иногда из захолустья
По-своему способные певцы,
Но песни их, наполненные грустью,
Не принимаем мы за образцы.

Кто наши песни знает понаслышке,
Кто сам с народом вместе не певал,
Тому и микрофонные пустышки
Пожалуй что сойдут за идеал.

Кто почерпнуть считает неприличным
Из нашей чистой песенной реки,
Тому милы с акцентом заграничным
Грохочущие в залах пустячки.

Но жизнь идет своею чередою,
Ее нельзя хоть в чем-то обмануть.
Уходит прочь случайное, пустое
И остается подлинная суть.

У ВЕЧНОГО ОГНЯ

Три женщины в памятном сквере
Склонились над вечным огнем.
Великие наши потери
Больнее мы здесь сознаем.

Темнеет и снова светает.
В преддверии мирного дня.
И ветер на плитах качает
Косматую шапку огня.

В мороз и жару непреклонно
Три женщины скорбно стоят,
Как матери, дочери, жены
С войны не пришедших солдат.

Шли долго они и устали,
Но им на скамью не присесть.
Три женщины на пьедестале:
То память,
надежда
и честь.

ЧУВСТВО

Никто не давал нам уроков,
Как Родину нужно любить.
Ни школы, ни толпы пророков
Не могут тому научить.

То чувство, как вера, окрепло,
Перстом осенило чело,
И горсткой военного пепла
Под детское сердце легло.

Страна из войны выползала
В кровавых и грязных бинтах.
Казалось, что лик идеала
Она различала впотьмах.

Вся истина фронта и тыла
Для нас, может, в том и была,
Что Родина грудью закрыла
Тщедушные наши тела.

И ныне то чувство не глуше,
А только, быть может, трезвей.
Не выжег страдавшие души
Бездарной поры суховей.

ПОКА ЖИВУ

Привык быть в радости и в горе
С тобой, родная сторона.
В твоем медлительном глаголе
Вся жизнь моя заключена.

Не знаю, кем тебе я буду,
Да и готов не ко всему,
Но, как судьбу, а не причуду,
Твое пророчество приму.

И если что-то не сумею,
И если что не по плечу,
Как перед матерью своею,
Я виновато промолчу.

Но и заигрыванье льстивым
Я никогда не оскверню
Твоей истории извивы,
Твоих обычаев броню.

Пока живу на свете белом,
Моя судьба предрешена:
Принадлежу душой и телом
Тебе, родная сторона.

ТРЕВОЖНЫЙ МИР

Последние годы двадцатого века.
Еще не ясна их в истории роль.
Но давит на нервы оружья опека,
Его постоянный и страшный контроль.

И ночью, и днем электронное око
Глядит не мигая с орбиты на нас.
Мы сами себя наказали жестоко,
Использовав тайну критических масс.

Амбиции мир затянули в ловушку.
С годами он только опаснее стал,
Когда не богиню, а ржавую пушку
Любовно поставили на пьедестал.

Мир, словно котел паровой, перегрелся,
Уже кое-где пробивается пар.
Сбываются худшие грезы Уэллса:
И в космосе зреет вселенский пожар.

Мир всякой случайности ныне заложен.
И денно и нощно нельзя не стеречь,
Чтоб чья-то рука не рванула из ножен
Хотя бы по глупости ядерный меч.

Чтоб нашему веку не стать эпилогом,
Последней страницею в жизни земли.
Мы, может, из милости ходим под богом,
И нашу планету еще не сожгли.

ПОСЛЕВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Он вернулся калекой с войны,
Он приехал домой с костылями.

И в избе от стены до стены
Он учился ходить вечерами.

В этой, может, бесцельной ходьбе
Столько дум передумано было...
Полоснуло свинцом по судьбе
И кровавым катком раздавило.

Рядом жизнь прорастала сквозь прах,
И дало, все что выжило, всходы,
Колосились хлеба на полях,
Мимо окон скрипели подводы.

Счастье заново вило гнездо,
Каждый клок поддевая на вилы,
Уходило в ночное с уздой
И коней довоенных ловило.

Он пытался пристроиться в круг
Новой жизни, другого уклада,
Но хозяйство валилось из рук,
Словно те затекли от приклада.

Он толок деревенскую пыль.
Молодой, неженатый, красивый.
Опускал свой скрипучий костыль,
Словно гвоздь заколачивал с силой.

Ко всему потеряв интерес,
Он замкнулся в последней обиде,
А однажды куда-то исчез —
И никто его больше не видел.

Смерть, его упустив на войне,
Все равно через годы достала
И на шее веревку вдвойне
Беспощадной рукой завязала.

Он лежит на погосте чужом.
Улеглись небывалые слухи.
Со слезами и страхом о нем
До сих пор вспоминают старухи.

ОПЯТЬ

Предвидя возможные шансы
По жизни пройти налегке,
Опять оживилось мещанство
На новом каком-то витке.
Украдкой, глаза не мозоля,
Оно без особых хлопот
Опять с коллективного поля
По два урожая берет.
Живуч крепостничества вирус —
Его ничего не берет.
И с ним, раболепствуя, вырос
Наученный жизнью народ.
Забившись в бетонные норы,
Мещанство безбедно живет,
Такие ведя разговоры,
Что оторопь даже берет.

КОМИ ЗЕМЛЯ

Она — окраина Европы,
Ей спину выпрямил Урал.
В войну минувшую окопы
Никто здесь в глине не копал.

Бежать в укрытия спросонок
Под вой снарядов не пришлось,

Но страшный ветер похоронок
Всю землю выстудил насквозь.

На юго-запад строй за строем
На фронт катил людской поток,
Как перед этим, под конвоем,
Другой — на северо-восток.

Надолго местные царевны
Надели ватники до пят.
Их плачи горестно-напевны
Поныне душу бередят.

Тогда, казалось, в целом мире
Не сохранилось красоты.
И здесь, быть может, стали шире
Районы вечной мерзлоты.

Не разогреть ее, как плугом,
Не распахать уральских скал.
Всевышний ей Полярным кругом
Сосуды все перевязал.

На очертаниях Европы
Она, как прыгнувшая рысь.
В ее снегах оленьи тропы
Так странно с рельсами сошлись.

Она стоит на самом стыке
Земель, обычаев, племен,
В ее глазах шальные блики
Со всех немыслимых сторон.

Досталось ей хулы и славы...
Все испытав в короткий срок,
Она — как рано у державы
Посеребрившийся висок.

ЗВОНАРИ

Не в такое уж давнее время
Под высокою сенью церквей
Обитало могучее племя
Непокорных властям звонарей.

И в беде, и на праздник престольный
Им внимала последняя тварь.
Был тогда среди братии вольной
Не последней фигурой звонарь.

Вдохновенный, в холщовой рубахе,
Так звонил он, что гнулась трава.
И шептались враги, что по плахе
Заскучала его голова.

И ловили, в остроги сажали
Непослушных и злых звонарей,
Чтоб они в неизбывной печали
Не тревожили души людей.

Звонари, звонари...
На просторах унылых
Их безбожно сживали с земли.
Но на их позабытых могилах
Колокольчики густо росли.

УРОК

Прошедших лет застой и скука,
И лицемерная возня...
Ни слова нового, ни звука
Не долетало до меня.

Все те же жесты и манеры,
Все те же позы и слова,
И чрезвычайные примеры
Распространенья плутовства.

Душа, во многом разуверясь,
Себя пыталась уберечь,
Но как немыслимая ересь
Звучала искренняя речь.

И протестующие струны
Звучали глуше и слабей,
Когда на многие трибуны
Проник ханжа и лицедей.

Когда забывшие приличья
Пробились к власти болтуны,
Чтобы в пылу косноязычья
Ворочать судьбами страны.

Мы, может, сами виноваты
С долготерпением своим,
Что в ожидании расплаты
Перед историей стоим.

В ДЕКАБРЕ

И. Торопову

Печора притаилась подо льдом.
И осторожно, словно по канату,
Мы по тропинке мальчика несем,
Чтоб поместить в больничную палату.

Темно и пусто в логове реки —
Немудрено и в прорубь провалиться.
И, кажется, безмерно далеки
Вечерний город, люди и больница.

И было страшно нам не за себя,
За эту жизнь, стоящую на грани,
За это несмышленое дитя,
Случайно оказавшееся с нами.

В его болезни близок перелом.
Качнулась жизнь, как слабенькое пламя.
Но если мы его не донесем,
Что о себе подумаем мы сами?

Судьбе суровой, может, в сотый раз
Проверить наши души захотелось
В такой глуши, когда не напоказ,
Когда для жизни требуется смелость.

И вот увозят в «скорой» малыша...
А мы еще опомнились не скоро.
И до сих пор волнуется душа,
И видится замерзшая Печора.

СТАРЫЕ ГАЗЕТЫ

Не жгите напрасно газеты,
Потом им не будет цены.
Событья, что ими воспеты,
По-новому будут видны.

Подшивки бесстрастно листая,
Ворочая прошлое вспять,

Поймете, как выросла стая,
Что многих сумела подмять.

С унылых столбцов по порядку,
Сдирая эпохи глазурь,
Вы, может, найдете разгадку
Давно прокатившихся бурь.

Газеты без давности срока
Просветят года, как рентген,
И станет ясна подоплека
Неясных пока перемен.

Храните иные газеты,
Как не было б стыдно читать.
В них есть кой-какие сюжеты,
Что могут возникнуть опять.

Дальние маяки

ПО СВЕТУ

Во стольких странствиях по свету
Со временем вперегонки
Я плохо следовал совету —
Не вел подробно дневники.

Все моментально промелькнуло —
Народы, страны, города.
Порой казалось, что со стула
Не поднимался никогда.

Что над Атлантикою хмурой
Не тряс шальной небесный вал,
Что вековой архитектурой
Стокгольм меня не восхищал.

Что многопалубным паромом
Не плыл от финских берегов,
Не угощал кубинским ромом
Друзей,
а может быть, врагов.

Не ощущал жару Вьетнама
И запахи болгарских роз.
На сердце не осталось шрама,
Но памятью навек прирос.

УТРО ГАВАНЫ

Как будто солнце спало под Гаваной —
Такое пекло с утренних часов.
Звучит с рассвета музыкою странной
Нестройный хор гаванских петухов.

Откуда здесь-то эти забияки,
Экзотика российских деревень?
Не в их ли куче, в душном полумраке,
Тропический высиживался день?

Едва родившись, он многоголосо
Шумел в окне, как истый хлебосол.
Палящий шар небесного кокоса
Как будто рядом с комнатой взошел.

О сколько гнева, ярости и боли
Прекрасный город некогда постиг.
Стоит, как столп, надменный Капитолий,
Другого, знаменитого, двойник.

Но вид его не омрачает радость,
Не нагоняет на кубинцев страх.
Не потому ли слово «камарадос»
У каждого младенца на устах.

МАЯК

Скала, как хлеб ржаной,
Темна и ноздревата,
Источена волной
и вихрями пассата.

Угрюма, высока,
Полнеба заслонила.
Громадой маяка
Ей спину придавило.

Когда, туманный плед
Накинув, спит Гавана,—
Маячный резкий свет —
Как вспышка из нагана.

По острову была
Такая панихида!
Во все колокола
Трезвонила Флорида.

Бинокли расчехлив,
Та сторона угрюмо
Глядит через пролив
С гримасой толстосума.

ДОМ ХЕМИНГУЭЯ

Словно парусник, белый, печальный,
Этот дом на гаванском холме.
Вечерами не ставят здесь чайник,
И не светятся окна во тьме.

Опускается пыль невесомо,
Всюду сон, тишина и покой.
Словно съехал хозяин из дома,
Знаменитый, угрюмый, седой.

Со стены дорогую двустволку
Он азартной рукой не сорвет.
В кабинете пылится без толку
С неоконченной темой блокнот.

А при нем все тут было иначе:
Дом шумел, как весенний бульвар,
И летала на крыльях удачи
Белоснежная яхта «Пилар».

Берега полюбившейся Кубы
Он печально и мудро воспел,
Да и сам, добродушный и грубый,
Знать, от соли морской поседел.

С фотографий, лицом не старея,
Он с тяжелым прищуром глядит.
Пусто в комнатах Хемингуэя,
Веет холодом с каменных плит.

ПЛАЙЯ-ХИРОН

По дороге на Плайя-Хирон
Мне все слышался траурный звон.
Словно в память былых похорон
Безутешно винтовки поют,
Отдавая последний салют.

Здесь такое когда-то случилось:
Враг наметил, что с бухты Кочинос
Революцию с Кубы — на вынос.
Революция ж только окрепла,
Словно Феникс, восстала из пепла.

Вдоль шоссе обелиски стоят,
Как шеренги воскресших солдат.
Камень им, что цветной маскхалат.
Враг не ступит на Плайя-Хирон
Ни в сухой, ни в дождливый сезон.

ПАРК ИМЕНИ ЛЕНИНА В ГАВАНЕ

Да, здесь он не был никогда —
Такие дали от Симбирска...
Пятиконечная звезда
Горит на танкере у пирса.

Здесь парк гаванцами взращен
Из экзотических растений,
И для него из всех имен
Они избрали имя — Ленин.

И на испанском языке
Оно звучало без оглядки,
Хотя совсем невдалеке —
Американские порядки.

Светло и празднично кругом.
И, как береза под Москвою,
При дуновении одном
Шумит тенистая секвойя.

ВАРЬЕТЕ «ТРОПИК»

Окрестная Гавана
Неслышима почти.
Сияет «Тропикана»
До Млечного Пути.

Стремительная румба
По сцене понеслась,
До времени Колумба
Прокручивая связь.

Какое буйство красок
И музыки обвал.
Здесь вечер, как подпасок,
Все грации собрал.

Прекрасные мулатки
Пластичны и гибки.
Природные задатки
В движении руки.

Их взглядом не измеришь —
Красивы на подбор.
Раскованнее зрелищ
Не видел до сих пор.

Опасная услуга —
Забористый коктейль.
Все выше кружев вьюга
И юбок карусель.

КРОКОДИЛИЙ ПИТОМНИК

Мы попали к началу кормежки,
Весь процесс рассмотрели в упор.
Не дай бог угодить по оплошке
К этим тварям за крепкий забор.

Тут наточены зубы к обеду,
Напружинено тело в бросок.
Тут отхватят полбока соседу
И сломают хребет за кусок.

Вот она —
    без помарок натура.

Мать-природа не нянчилась с ней,
А кроила пропорции хмуро,
Выбирая куски зеленей.

Исходила из общего веса:
Длинный хвост
и зубастая пасть.
Человеку с того же замеса
Не успело ли что перепасть?

КАРИБСКОЕ МОРЕ

Под водой до прохладного дна
Постепенно рука дотянулась
И повисла, как будто стена
Тяжело от меня откачнулась.

В проникающем отблеске дня
Рядом донные твари кишели.
Сотни глаз поднялись на меня,
Чтоб отпрянуть в пучину расщелин.

Море сразу за горло берет.
Я почувствовал каждым сосудом,
Как сгорает во мне кислород
И немеет душа перед чудом.

Дышит жабрами вязкое дно,
Плоть земли проступает из ила
Там темно.
Там, конечно, темно.
Чем же веки мои опалило?

ЕВРОПЕЙСКАЯ ТРАССА

Как клинок, скоростное шоссе.
Брызги листьев на кромке бетона.
Мы летим по сквозной полосе,
Пожирая остатки озона.

Мертвый вихорь гудит позади.
Все живое с дороги исчезни!
Скорость зло отдается в груди,
Оттоняя хандру и болезни.

Неширок европейский простор,
Мы несемся меж зелени редкой.
И наш путь, словно в ад коридор,
Обнесен металлической сеткой,

Чтоб на трассу, где грохот и вой,
Где горят быстроходные оси,
Не запрыгнул случайно косой,
По ошибке не выбрели лоси.

Неизвестно, опасней кому —
Нам иль зверю подобная встреча.
Ибо сталь заскрежещет в дыму,
Все живое давя и калеча.

ЗАГОВОР

Не такая у них атмосфера
Перед этим, казалось, была,
Чтоб они застрелили премьера,
Словно гангстера, из-за угла.

Кто-то слишком его ненавидел,
Целый клан, не какой-то маньяк.
Потому что он многое видел
По воинственным меркам не так.

Потому что он не был нейтралом.
И в нейтральной, по сути, стране
Выходил он с открытым забралом
И вставал не на той стороне.

Заразительна сила примера
В отрицании войн и вражды.
Потому и убили премьера,
Что он мирные строил мосты.

КАПИТАН

Сей катер, старую калошу,
Щадит карибский ураган,
Хотя не тянет на святошу
Его невзрачный капитан.

Причем язык его и жесты
Того величия полны,
С каким читают манифесты
Парламентарии страны.

Но он не жалкий пустомеля,
Не записной оригинал —
Когда-то в армии Фиделя
Он до победы воевал.

Не сделав вовремя карьеры,
Он неуверенно затих —

Непредсказуемые меры
Тогда пугали не одних.

Найдя приют на малом флоте,
Он не задумался о том,
Что в политическом расчете
Сам оказался за бортом.

МУЗЕЙ НА КУБЕ

От жары, от богатства оплывший,
Как дородный, холеный купец,
Громоздится на площади бывший
Нежилой президентский дворец.

Под метровыми сводами мглисто
Расплылись украшения зал.
Было время, диктатор Батиста
Без оглядки отсюда бежал.

Колоннаду забрызгали пули
Несмываемой тушью свинца,
Революции ветры продули
Кабинеты и залы дворца.

Здесь столы, как тюремные нары,
Их напрасно не вынесли вон,
Здесь помятый берет Че Гевары
Охраняют надежней корон.

Здесь трофеи со Сьерра-Маэстры
То ли в ржавчине,
то ли в крови.
Мимо окон грохочут оркестры,
Голося о всеобщей любви.

СТАРЫЙ НЕГР

Мы с ним сошлись накоротке
Среди гаванской канители.
Я на испанском языке,
А он на русском не умели.

Я был как робкий пилигрим,
Он вел себя, как на работе.
Я не жалел, случайно с ним
Сойдясь в людском водовороте.

Он был, наверно, из рабов,
Верней, рабом
его был предок.
По-африкански многослов,
Он был растроган напоследок.

На тот случайный эпизод
Потом взглянул я много шире:
Нас жизнь свела и разведет —
Мы не нужны такими в мире.

ЖЕНЬШЕНЬ

Зной. Тропический день.
Слышно — растет бамбук.
Нам продают женьшень,
Как говорится, с рук.

В джунглях или в горах
Корень сокрыто рос,
Кровью земли пропах,
Солью звериных слез.

Словно монах в скиту,
Корень заматерел.
Он хорош на спирту
После упорных дел.

Будет сосуды жечь,
Будет лечить хандру,
Не засоряя речь,
Мудрость придаст перу.

О ТОМ

Вьетнам глядит в мое лицо
С каким-то пристальным вниманьем,
Но не пускает на крыльцо
И не торопится с братаньем.

А мы ведь были заодно,
О том записано в скрижали.
Индокитайское окно
Мы вместе тайно выпибали.

К тому вернется интерес,
О чем замалчивалось глухо.
Но не об этом ловкий бес
Тебе нашептывает в ухо.

О том, что за морем живут
Намного здешнего богаче,
Но опускает старый плут,
Что там работают иначе.

ШВЕЦИЯ

Не скажешь,
вкуса и фантазии
Кой в чем тебе не достает,
Но на твоем разнообразии
Гастрономический налет.

Твои копчености и специи
Достойны всякой похвалы,
И потому не только в Швеции
Так любят шведские столы.

Ты аккуратно порумянена
И по субботам не пьяна.
На взгляд любого россиянина —
Благополучная страна.

Здесь королевская фамилия
Живет и здравствует пока.
Во всем вокруг почти идиллия,
Но не хватает пустяка.

Здесь откровенно руку правую
Нам неохотно подают
Не за «конфуз» ли под Полтавою,
Иль за неравенство валют?

СТОКГОЛЬМ

Разноязыкая Европа
По шумной улице стремглав
Летит, как девочка-растрепа,
Не задевая мой рукав.

Стоит до головокруженья
У королевского дворца,
Не изменяя выраженья
Невозмутимого лица.

Мелькают хиппи или панки,
Но, как внушали нам, не те...
И впрямь,
какие, к черту, пьянки
В почти стерильной чистоте!

У них другие есть забавы,
Без мордобоя и вина.
И вряд ли тужат скандинавы,
Что жизнь не очень солона.

ОРГАН

Возвышенно, чисто, певуче
Звучит в старом храме орган.
И видятся горные кручи,
Седой на утесах туман.

И как наяву ощущаешь
Величие белых вершин,
Где воздух студеный глотаешь
На странном просторе один.

То ширятся исподволь звуки,
Как будто лавина пошла,
То слышится голос разлуки
И ангельский шелест крыла.

То яростной медью набата,
То ласковым звоном смычка
Звучит в старом храме токката
И, кажется, дышат века.

ПАРОМ «ВИКИНГ ЛАЙНЕ»

Мир кочует, кочуем и мы,
В этот раз на огромном пароме.
Как с утеса, с высокой кормы
Попрощались с тобою, Суоми.

«Викинг Лайне» на семь этажей
До отказа вещами напичкан.
Брать с собою по стольку вещей —
Скандинавская, может, привычка.

Здесь каюта, как мрачная клеть,
Где подолгу бывать нестерпимо.
Потому мы выходим смотреть
На пейзаж, проплывающий мимо.

Монотонно гребные винты
Отсекают балтийские мили.
Блеск богатства, позор нищеты
Нас порядком уже утомили.

До Стокгольма короткая ночь,
Но не будет и там по-другому.
Чтоб усталость и сон превозмочь,
Путешествуем мы по парому.

В ТУРКУ

И вновь Кафедральный собор,
Крутой холодок дисциплины.
Расширили наш кругозор
По части религии финны.

Припомнишь слова небылиц,
Когда задеваешь некстати
Холодные плиты гробниц —
Прибежище вымершей знати.

Собор скандинавами чтим.
И правда, он глазу приятен.
Под куполом спит херувим,
Упитан до розовых пятен.

Зубцами сверкает орган,
Как в волосы вколотый гребень.
Здесь церковь щадит лютеран —
Сидящим читает молебен.

Откинувшись к спинке скамьи,
Смиренно сидят прихожане.
О боже, пред очи твои
Когда-нибудь каждый предстанет.

МУЗЕЙ РЕВОЛЮЦИИ В ХАНОЕ

Здесь каждый зал овеян славой
Былых трагических времен.
Десяток лет — не день кровавый —
Вьетнам стоял непобежден.

Ряды картин, как цепь насилья,
Над непокорною страной.
С американским знаком крылья
Пейзаж закрыли городской.

На снимках дымные руины,
К которым разум не привык.
На страшной раме гильотины
Железный свесился язык.

Вьетнамский мальчик босоногий,
Убитый на земле своей —
Итог развитья технологий
Уничтожения людей.

Итог бомбежек небывалых,
В которых плавилась страна.
Нешироко, но в этих залах
И наша боль отражена.

Ракет и танков силуэты
Не раз о многом намекнут.
Но даже поздние ответы
Не оскорбляют совесть тут.

В БУДДИЙСКИХ ПЕЩЕРАХ

Священные горы Дананга —
Пять шапок темнеют вдали.
Правители высшего ранга
Туда, как на исповедь, шли.
Из чистого золота Будда
Загадочно в храме сиял,
Когда в ожидании чуда

Свершался святой ритуал.
Зловещее эхо в пещерах
При этом вводило в обман
Монахов от времени серых,
Торговцев, рабов и крестьян.
Но Будду украли французы —
Обычай пиратов жесток.
И может быть, боги и музы
Покинули сей уголок.
И вот вековые ступени
В чужую святыню ведут,
Где вьются бесплотные тени
Меж сумрачных каменных груд.
Становимся сами бесплотней,
Как будто от сил колдовских.
Из рядом идущей полсотни
Едва замечаешь двоих.
Прибежище древних религий,
Свидетельства страшных потерь,
Священные горы, как книги,
Нас мудрости учат теперь.

БОЛГАРИЯ

Болгария неповторима —
Каштаны, горы, купола.
Окраиной святого Рима
Не ты ли в древности была?

Не ты ль во тьме средневековья
Была в полон уведена?
И русской, и болгарской кровью
Не раз потом обагрена.

Ты в роли бедного вассала
Была у края нищеты.
Но и тогда не растеряла
Свои славянские черты.

Но и тогда не позабыла
Наследство, данное судьбой,
И от туретчины отмыла
Себя в купели кровяной.

Пройдя чрез беды и ошибки,
И сквозь турецкую картечь,
Ты память Плевена и Шипки
В душе сумела уберечь.

Зимние цветы

РОК

Ужасный рок свирепствует над нами,
Как будто смерть откликнулась на зов.
Несутся по планете, как цунами,
Валы крушений, взрывов, катастроф.

Мы перед Богом трепет растеряли,
Не бережем ни душу и ни плоть,
Но мы в таком отлиты матерьяле,
Что смерти нас легко перемолоть.

И вот в дыму безвестных перегонов
И на борту известных кораблей
Жестокий век средь паники и стонов
Стирает в пыль беспомощных людей.

Все более действительность жестока.
Природа нам за поруганье мстя,
Сосцами безобразного порока
Вскормила беспощадное дитя.

КАЧКА

Есть надежда, что новые вести
О движеньи вперед говорят,

Потому что топтанье на месте —
Все равно что движенье назад.

Мы и так безнадежно отстали
И на головы приняли срам,
Раздавали покуда медали
И курили пока фимиам.

Все еще не очнулся от спячки
Убаюканный ложью народ,
Но уже от неслыханной качки
Самых чутких и праведных рвет.

СЫНУ

Мы и сами немалые счеты
Той войне предъявить бы могли,
Потому что с кровавой работы
Оба деда твои не пришли.

Чересчур глубоко пропахала
И такое задела война,
Что и века, наверное, мало,
Чтоб немного забылась она.

Время выткало жуткую пряжу!
Разве мог кто подумать о том,
Что солдатский ремень вам завяжут,
Словно петлей, афганским узлом?

Что на гиблых чужих перевалах,
Где и бренные камни — враги,
Нам ценою потерь небывалых
Обернутся чужие долги?

ИСПОВЕДАЙ

Как бывало меня исповедай,
Загляни в мою душу до дна.
За пронзительно честной беседой
Пусть очищена будет она.

И, свободна от зла и гордыни,
Для любви возродится опять.
Только горечь, как запах полыни,
Будет долго над нею витать.

Горечь эта пройдет и растает.
И, как ветер на ветках листву,
Время грубым перстом пролистает
Неудачную в жизни главу.

И ничто не напомнит об этом,
Я и сам не хочу миража.
Напоенная горестным светом,
Исцелится помалу душа.

Как бывало меня исповедай,
Разгони заблуждения рой.
Навсегда будет нашей победой
Обретенный в страданьях покой.

ЛЕДОХОД

Уходит лед по Вычегде-реке,
Как по долине белая отара.
Уходит лед, оставив вдалеке
Холмистые пейзажи Сыктывкара.

Мороз ковал реки ледовый щит.
Трудился днем и долгими ночами.
Ледовый панцирь вдребезги разбит
Весенними колючими лучами.

Прошла такая длинная зима,
Земля теплу распахивает ворот.
Зари весенней светлая тесьма
Полукольцом охватывает город.

Я провожаю шумный ледоход,
Глаза на солнце ласковое щуря,
А по душе разбуженной идет
Такая ж очистительная буря.

Она смывает грусти пелену,
Крошит, как льды, былые заблужденья.
Все существо приветствует весну
В неодолимой жажде обновленья.

Уходит лед по Вычегде-реке,
Бурлит вода и рвется из неволи.
Кусочек льда сжимаю в кулаке,
Не чувствуя ни холода, ни боли.

ПО-ПРОСТОМУ

За стихи прощают много.
И ругают за стихи.
Ты ко мне бываешь строгой
Из-за всякой чепухи.

Если что-то и бывало,
Если в чем-то виноват —

Все давно отбушевало,
Не воротится назад.

Ведь по молодости пылкой
Каждый голову терял,
С непочтительной ухмылкой
Никого не признавал.

Каждый думал, что нас любят
Меньше прежнего уже,
Отругают, как отрубят
Что-то нежное в душе.

Каждый думал, что любовий
Будет много в нужный срок,
И держал для них готовый
Сердца тайный уголок.

А случилось по-иному,
По-простому, по-людски:
Навсегда прибило к дому,
Словно к берегу реки.

ЗИМНИЕ ЦВЕТЫ

Я знаю, ты любишь цветы,
Но в наших лугах на полгода
Снегов голубые холсты,
Как в горнице, стелет природа.

Откуда же взяться цветам,
Когда всюду властвует холод.
Вот месяц и тот пополам,
Как будто ледышка, расколот.

В короткие зимние дни
И к вечеру в сумерках блеклых
Цветам прошлогодним сродни
Мерцают узоры на стеклах.

Твои оживают глаза,
Когда упираешься взглядом
В соцветия, как в образа,
Подбитые тонким окладом.

Я знаю, ты любишь цветы,
Они — твои символ и вера.
Чужда бытовой суеты
Чистейшая их атмосфера.

ДВЕ ЛЫЖНИ

Мы здесь живем из-за лесов,
Из-за воды, из-за прохлады.
Мороз, как ловкий птицелов,
Следит за всеми из засады.

Но избегая западни,
По целине, по первопутку
Бегут две зыбкие лыжни,
Соединяясь на минутку.

Природа сладостно близка,
Снега до рези светоносны.
К себе зовут издалека
Полузасыпанные сосны.

Дерев и снега благодать!
Наш путь пошел за половину.

Не бойся, милая, отстать,
Тебя я в мире не покину.

Зажглись вечерние огни.
На гребне жизненного круга
Петляют наши две лыжни,
Не отдаляясь друг от друга.

СНЫ

Мальчишкой в дальней стороне
Я грезил первою любовью.
Не ты ли, милая, ко мне
Во снах являлась к изголовью?

Я слышал это в забытьи,
На зыбкой грани сна и яви.
Виденья смутные текли —
Их не прервать и не исправить.

И в тех виденьях образ твой
Был словно слепок с идеала.
В глазах с упрямой синевой
Такая нежность проступала.

У цельных искренних натур
Глаза безгрешны и бездонны.
Так с выразительных гравюр
Глядят российские мадонны.

Не потревожив тишины,
Чтоб не спугнуть провинциала,
Не ты ль в мальчишеские сны,
Как тихий ангел, залетала?

ТВОИ ГЛАЗА

Твои глаза так трудно передать
И красками, и музыкой, и словом,
Когда во взгляде нежно-васильковом
Таинственная зреет благодать.

Скрываются из вида иногда
Твои глаза,
чтоб снова появиться.
Так отлетает вспугнутая птица,
Чтоб оказаться снова у гнезда.

Твоим глазам исчезнуть не дано,
Пока я в этом мире не исчезну.
Но и туда, в пугающую бездну,
Их свет найдет сокрытое окно.

Ну, а пока смотрю не насмотрюсь
В твои глаза с опасной синевою.
Их тайну я когда-нибудь открою,
В оттенках уловимых разберусь.

ПОЛОВОДЬЕ

Весенние ветры скосили
В неделю такие снега,
Что реки и речки России
Не скоро войдут в берега.

В привычные сроки взбесилась
И смирная наша река.
Ударила вешняя сила
В ее ледяные бока.

Свободу почуяв, тихоня
Неслась, закусив удила,
Как будто лихая погоня
Такую настигнуть могла.

По кочкам, по пням и канавам
Летела она напрямик.
И кажется, пóтом кровавым
Ее обозначился лик.

Вся в сгустках тягучего ила,
Как в тромбах из вспоротых вен,
Наверно, себе она мстила
За долгий и тягостный плен.

ЯНВАРЬ

Вдыхаешь в себя через силу
Со льдинками воздух густой.
Давно, говорят старожилы,
Зимы не бывало такой.

Мороз поджимает под сорок
Беспечным прогнозам назло.
Мальчишек с укатанных горок
Как будто метлою смело.

Резвится мороз седовласый —
Ему это все баловство.
Природа с тяжелой гримасой
Глядит на причуды его.

Туманно в аллеях и скверах,
Дворы и подъезды пусты,

Но в окнах от инея серых
Кой-где зеленеют цветы.

Мир надвое рамой расколот,
И словно оправлен в багет.
На улице — сумрак и холод,
За окнами — зелень и свет.

НАЧАЛО ГОДА

Ломают снежный городок,
С утра ломают втихомолку.
На свалку трактор уволок
Большую праздничную елку.

На рубеже двух быстрых лет,
Очнувшись в праздничной стихии,
Заметишь вдруг, что из примет
Верней сбываются плохие.

И на развилке трудных дней
Вдруг понимаешь в полной мере,
Что с каждым годом все больней
И ощутимее потери.

На новогодних вечерах
Шампанским, музыкой и светом
Мы заглушаем в сердце страх,
Навряд ли думая об этом.

Хоть жизнь у каждого своя,
Но поневоле загрустится,
Что в тонкой книге бытия
Еще прочитана страница.

ЗА ГОРОДОМ

Мы буксуем в раскисших низинах,
Грязь летит из-под сизых колес.
И воняет горелой резиной
В островке придорожных берез.

Ну куда мы все лезем и лезем,
Что нам нужно за грязью такой?
Свежий воздух, конечно, полезен,
Но он есть и в черте городской.

Нас не ждет на природе работа,
Нас из дома не гонят взашей.
Захотелось удрать из-под гнета
Обстоятельств, забот и вещей.

Захотелось увидеть ромашки
И в сиреневой дымке леса,
Через головы сдернуть рубашки
И забросить к чертям пояса.

Захотелось побыть на свободе.
Только все это глупость и блажь.
Если нет равновесья в природе,
Равновесье в душе не создашь.

ДЕРЕВНЯ

Деревню мою обогнула
Шершавая лента шоссе.
Лишь эхо далекого гула
В густом отдается овсе.

Заедет машина иная,
Безбожно проселком пыля,
И долго о том вспоминая,
В овраге ворчат тополя.

И снова пустынна дорога,
Стекает песок в колею.
Печальное облако строго
Глядит на деревню мою.

На избы ее и болото,
Почти что за крайней избой,
На речку, что в гуще осота
Лежит, словно шарф голубой.

На пожни ее между кочек,
На сонные копны ракит,
На все, что растет и стрекочет,
На все, что цветет и молчит.

Но маревом зыбким укрыта,
Для многих она не видна.
Отрада моя и защита,
Родная моя сторона.

ПРИМЕРЫ

Мы слишком часто повторяем,
Что все не этак, все не так,
Судьбу чужую примеряем,
Как недоношенный пиджак.

Чужие мысли и поступки
Волнуют сами по себе,

Как заблудившихся зарубки
По направлению к тропе.

Больших характеров изъяны,
И нимб вкруг чьей-то головы —
Мы их обыденностью пьяны,
Мы их величием трезвы.

Примеры славы и позора
До нас изучены давно,
И для мужского разговора
Они, что кислое вино.

О ЖИЗНИ

Живем и умрем в одиночку,
Оставив на память живым:
Одни — драгоценную строчку.
Другие — развеянный дым.

Я знаю, что разница в этом,
И в чем-то еще, может быть.
Ведь пахаря с тонким поэтом
По-своему можно сравнить.

Позорно пройти бестолково
Судьбою назначенный путь.
Все это настолько не ново,
Что можно рукою махнуть.

Но все-таки тысячи тысяч
На свете живут кое-как.
Не каждый торопится высечь
Судьбы отличительный знак.

Я то же, что мог, не осилил.
И сам, может, в том виноват:
Метался птенцом по России,
А все возвращался назад.

БЕЗ УЛЫБКИ

Посмотришь вокруг иногда без улыбки
И думаешь: что же мы в жизни смогли?
Пора исправлять нам чужие ошибки,
А мы умножаем ошибки свои.

Пора отвечать за такие проблемы,
Которыми издавна совесть больна.
Пора разрушать представленья и схемы,
Которыми, мучаясь, бредит страна.

Пора разобраться в потоке событий,
Познать до глубин хоть одно ремесло,
Увидеть реальности тайные нити,
Измерить душою коварство и зло.

Пора, распрощавшись с запасом иллюзий
(Как часто мешают нам в жизни они!),
Жить с собственной совестью в прочном союзе,
Не слушая праздной пустой болтовни.

Пора, эту жизнь просчитав и размерив,
На годы вперед обозначить свой путь
И краешком глаза в последние двери
Спокойно и трезво уже заглянуть.

ГЛАВНОЕ

Уползли до весны трактора,
Занесло полевые дороги.
Как в хозяйстве, и в жизни пора
Подвести кой-какие итоги.

Рассудить самому обо всем,
Перебрав быстротечные годы,
Что досталось упорным трудом,
Ну, а что, словно дар,— от природы.

Но природа не слишком щедра,
У нее не по два варианта.
Нет страдающих от серебра,
Жалоб нет на избыток таланта.

Это видится в деле таком,
Где свершенному мера иная.
Сколько бьются над чистым листом,
За бездарность себя проклиная.

Но бывают счастливые дни
Вдохновения и ликования.
Может, главное — все же они,
А не месяцы их ожидания.

МОЛЧАНИЕ

Молчит взыскательная Муза
Во дни большого торжества.
Ей непосильная обуза —
Терзать высокие слова.

И если жажда суесловья
Вселилась в лживые уста,
Не принимать ее условия —
Еще не значит: немота.

И не судить за это строго,
И не винить ее нельзя.
Своя у каждого дорога,
Своя у каждого стезя.

О ДРУЖБЕ

Ты, Муза, со мной не дружила,
Пока выбиваясь из сил,
Я в небе возил пассажиров
И срочные грузы возил.

Ты знала, что я не затворник,
Заглянешь — опять улетел.
И думаю так, что не сборник
У окон моих просвистел.

Бывало, что ты залетала
На несколько только минут
В владенья огня и металла,
Что цехом небесным зовут.

И там, оглушенная, никла,
Немел твой прекрасный язык.
Ты к небу никак не привыкла,
А я от него не отвык.

Но вижу, что эти привычки
Обоим придется менять,
И с плеч золотистые птички,
Наверно, придется снимать.

ПРОШЛОЕ

Я тоже лечил самолеты,
Я ими надолго пропах.
И кажется, запах тавота
Остался еще на руках.

Остался еще под ногтями
Дюраля мерцающий след.
Я всеми своими корнями —
В начале стремительных лет.

Когда продували метели
И щеки морозами жгло,
Хорошие люди сумели
Мне в руки вложить ремесло.

Я грел самолетам моторы,
И горло им кутал в чехол.
И, как говорят репортеры,
В том главное в жизни нашел.

И если взглянуть непредвзято,
Я, кажется, делал что мог.
Двум-трем самолетам когда-то,
Быть может, здоровье сберег.

ГИМНАСТКИ

По трапу идут чемпионки,
Премьерши, богини ковра,
Не те уж простые девчонки,
Которыми были вчера.

Их сверстницы учатся в школе,
И чаще всего как-нибудь.
А этим пришлось поневоле
Недетскую лямку тянуть.

Терпеть незажившие раны,
Испытывать промаха страх.
Бывало, на телеэкраны
Они попадали в слезах.

И вот наконец-то во славе
Они возвратились домой.
Но место в спортивном уставе
Досталось огромной ценой.

И жаль этих девочек ранних.
Тщеславием или судьбой
В победах, в борьбе и страданьях
Они не вольны над собой.

У МОРЯ

Укрываясь от ветра платком,
Обойдя, словно тень, побережье,
Раз в году на пустой волнолом
Всходит женщина в темной одежде.

Ходят всякие слухи о ней,
Но вернее догадки о драме,
Если женщина след кораблей
Провожает такими глазами.

Если в них еле сдержанный крик,
Если в них темный пламень печали.
В пене бьется букетик гвоздик,
На кровинку похожий вначале.

Не ищите безвестных могил,
Не гневите расспросами горе.
Ветер жизни ее иссущил —
Сквозь нее различается море.

МОЛВА

Кумиров свергая с престола,
Злых сплетен плетя кружева,
И сильных, и слабых колола
Отравленным жалом молва.

Отмечены пошлым налетом
Намеки ее и смешки.
С каким-то жестоким расчетом
Развязны порой языки.

Кого не коробит презренье,
Пусть даже ничтожных людей!
Великое надо терпенье,
Чтоб сердцем не сделаться злей.

Все видит недремлющим оком,
Все знает людская молва.
Не дай бог, хотя б ненароком
Попасть под ее жернова.

НАСТРОЕНИЕ

Какое-то странное дело:
Опять без особых причин
Заныла душа, заболела,
Померкла до самых глубин.

Так, чувствуя близкую кару,
Хотя и за что — невдомек,
Сожмется, готовясь к удару,
Пугливый и умный зверек.

Наверно, мы мнительны стали.
Еще и не пахнет грозой,
А туча неясной печали
Уже овладела душой.

Как будто вернулась сначала
Сумятица горестных дней,
Когда нас судьба доставала
Тяжелою дланью своей.

Когда мы не знали защиты,
Любой мог обидеть шутя.
Все это еще не забыто
И многие годы спустя.

УТРОМ

Застилает русло
Медленный туман.
Солнце светит тускло,
Будто сквозь стакан.

Скользкий край парома
К берегу пришит,
Мокрая солома
Светлым швом лежит.

Хлюпает под днищем
Тусклая вода.
Что мы в мире ищем
И бежим куда?

Утренние думы
Не дают уснуть,
Холодом угрюмым
Наполняют грудь.

Прошлое настигло
На пути врасплох,
Распустило иглы,
Как чертополох.

Сердце исцарапав,
Было таково,
Юркнуло по трапу
Злое существо.

СЛОВА

Слова любовные затасканы
В многострадальном языке,
Они лоснятся, словно лацканы,
На старомодном пиджаке.

Их с небольшими вариантами
Своим любимым говорят

И наделенные талантами,
И те, кто ими небогат.

Они звучат тысячелетия
И неизменны испокон —
Любви простые междометия,
Любви изящный лексикон.

Им жизнь нисколько не добавила
Ни новизны, ни волшебства.
Лишь исключение из правила —
Твои знобящие слова.

НОЧНЫЕ САМОЛЕТЫ

Когда от края и до края
Природа в сон погружена,
Кого-то сверху окликая,
Гудит басовая струна.

Я выхожу на луговину,
На зыбкость стынущей травы,
И, к небу голову закинув,
Внимаю звукам громовым.

И сердце вдруг среди покоя
Сожмет знакомою тоской —
И мне ведь небо не чужое,
И я для неба не чужой.

И мне понятно и знакомо
То ощущенье волшебства,
Когда бетон аэродрома
Натянут, словно тетива.

БЕЛАЯ НОЧЬ

Ни кистью,
ни словом,
ни звуком
Не выразить времени ход,
Когда эта ночь переулком
На цыпочках тихо идет.

Не скрипнет калиткой тихоня
И след не оставит в пыли,
Но, что-то почуяв спросонья,
В траве завозились шмели.

Вода холодна, неподвижна,
К ней липнет, склоняясь, трава,
И все так отчетливо видно,
Что днем замечалось едва.

В березах на каждой поляне
Прибавили будто «свечей»,
Нисходит на мир обаянье
От северных белых ночей.

* * *

Золоченую уздечку
В воду бросила луна.
Говорят, что эту речку
Звери выпили до дна.

Затерялась и пропала
Говорливая река
Среди веток краснотала,
Между листьев тростника.

Лишь осталась, как отрада,
В шумных дебрях камыша
Стародавняя прохлада —
Речки высохшей душа.

Да в низинах остаются
Речки сказочной следы,
Голубые лужи-блюдца
Застоявшейся воды.

Если дома затоскую,
То в лесную благодать
Я уздечку золотую
Ухожу тогда искать.

Чую сердцем, золотая
Та уздечка для меня,
Только ею зауздаю
Я крылатого коня.

ДОЖДЬ

Небесный испортился клапан —
Не в срок заменили старье,
Поэтому дождик все капал,
Выстукивал имя твое.

Он в воздухе сеял прохладу,
Он прыгал по луже рябой,
Плясал у крыльца до упаду,
Был схож несказанно с тобой.

В тот миг ты была на балконе,
Смотрела, как струйки текут,

Дождю подставляя ладони,
Как мраморный белый сосуд.

Дождинки текли, холодили,
Летели в железный проем.
Ты помнишь: когда-то любили
Мы вместе стоять под дождем.

Но ты не о том вспоминала,
И может, совсем не о нас.
Но долго улыбка блуждала,
Всегда затухая у глаз.

ОСЕННЯЯ ПОРА

Порыжела на склонах земля,
Расплескались осенние краски.
И на несколько дней тополя
Натянули пожарные каски.

Небосвод обеднел синевой,
А земля потонула в багрянце.
Резвый ветер с пожухлой листвой
Под деревьями кружится в танце.

Сырость улиц, деревьев и стен
И ночей непроглядная сажа...
Наступает пора перемен
В очертаньях и красках пейзажа.

Саранчой налетели снега,
Промелькнули мерцающим роем,
Пеленой облепили стога,
Словно ствол обернули корою.

Остужающий ветер принес
В мир осенний свои перемены,
И с рассветом художник-мороз
На земле заменил гобелены.

ЖЕНЩИНА

На работу в обычные сроки
И с работы без четверти шесть.
От такой ежедневной мороки
Все должно бы давно надоесть.

Постоянно какие-то стрессы,
Перегружена память твоя.
И все больше твои интересы
Подменяет собою семья.

Но когда подойдут выходные
И спадет напряжения дрожь,
Ты подкрасишь ресницы густые
И богиней по дому пройдешь.

Все в тебе до черты, до предела,
Ты из крайностей вся создана,
Только пошлость тебя не задела,
Не оставила даже пятна.

ЗА ДЕРЕВНЕЙ

Полынный дух, густой и горький,
Плывет по скошенным лугам.

А за деревней по пригорку
Бежит курносый мальчуган.

Куда бежит, пойди узнай-ка,
Такого разве догоню?
Его сиреневая майка
Упала в рожь, как в полынью.

Вдали, где рек крутые бивни
Терялись в скошенной траве,
Вдруг грянул грохот реактивный
И покатился в синеве.

Мечтал мальчишка о полете,
Завороженно недвижим,
Казалось, что земля, как плотик,
Качалась медленно под ним.

Мальчишка небу улыбался,
Ветрами летними продут,
А за спиной его качался
Ржаного поля парашют.

* * *

Не все состоялось,
Не все состоится...
Быть может, и наша вина,
Что счастья земного
Прекрасная птица
Не часто гостит у окна.
Не часто повеет
Теплом и покоем.

Тревожной душою скорбя,
Мы это от лиц
Любознательных скроем,
Но можно ли скрыть от себя?

Бывает, осудят нас
Добрые люди,
Забудется их приговор,
Мы сами себе

Адвокаты и судьи,
И каждый себе прокурор.
Пусть собственный суд
Не всегда объективен,

Простим же издержки ему,
Ведь каждый из нас
Не настолько наивен,
Чтоб верить ему одному.

ИГРА

Приятель, мы очень устали,
Наверное, снизили класс,
А выпала встреча в финале
С командой, выносливей нас.

Соперники рвутся к победе,
Она позарез им нужна.
Знобящая музыка меди
На их половине слышна.

Как время летит игровое,
Как тает победы мираж!
Сияет табло световое,
Где счет, к сожаленью, не наш.

Так хватит сидеть в обороне,
Пора что есть сил наступать.
Чтоб выиграть в этом сезоне,
Сегодня нельзя проиграть.

Нельзя, чтобы мы уступили
Сопернику средней руки,
Иначе, уверившись в силе,
Нас завтра побьют слабаки.

Так бросим все силы и нервы
В гудящую топку игры.
Кто будет на финише первым?
Не скажет никто до поры.

ОСЕННЕЕ ОЗЕРО

Скользящие птицы на глади озерной.
Плывут они мимо неровной дугой.
И чудится мне, что я птицею черной
Плыву рядом с белою птицей, с тобой.

И чудится мне, что тяжелые крылья
Мешают подняться к вечерней звезде.
Какие приходится тратить усилья,
Чтоб только держаться на тусклой воде.

Последние птицы, проплыв середину,
Исчезли из вида, пропали вдали,
А вечер развесил заката гардину,
С которой багровые блики стекли.

А утром нет птиц, улетели до срока.
Природа из гнезд их рванула силком.
Вдоль берега ходим с тобой одиноко,
Я в темной одежде, а ты в голубом.

Озерная чаша остыла к рассвету,
Туман растащили на крыльях птенцы.
Так скажем спасибо ушедшему лету —
Звенят за холмами его бубенцы.

ЖЕНЩИНА ПЕЧОРЫ

Теплоход звонкой марки «Заря»
Резвым селезнем плыл по Печоре,
Где давно уже флаг сентября
Выгорал на прибрежном просторе.

Мы сошли у большого села,
Никому в нем еще не знакомы,
На причал лишь собака пришла,
Да и та — как охапка соломы.

Утро только съезжало с горы
Под отчаянный крик петушиный,
На реке догорали костры,
А вблизи — ни людей, ни машины.

И тогда, все приличья забыв —
Не торчать же весь день на причале,—
Мы в калитку ближайшей избы
Осторожно вдвоем постучали.

Вышла женщина к нам на крыльцо
И без слова нас в избу впустила,

Лишь ее неживое лицо
Вдруг улыбка на миг осветила.

Усадила за стол, на скамью,
Принесла все что водится в доме.
Чем-то тронула душу мою
Эта кроткая женщина коми.

Было столько в глазах доброты,
Столько нежности в тихом рассказе,
Словно женщина эта цветы
Разбирала в расколотой вазе.

Я смотрел на нее не дыша,
Материнскою лаской согретый —
Если есть золотая душа,
То она вот у женщины этой.

СОДЕРЖАНИЕ

Летописцы

Сверстникам 4
Летописцы 4
Давнее 5
Поколение 6
О героях 7
По всей земле 8
На северной буровой 9
Город 10
Работа 11
Старый самолет 12
Ночное небо 13
Ответ 13
Земляника 14
Самолеты 15
Величие мира 16
Нас много 17
Мой город 18
Глубинка 19
Потери 19
Разговор 20
Признание 21
О песне 22
У Вечного огня 22
Чувство 23
Пока живу 24
Тревожный мир 25
Послевоенная история 25
Опять 27
Коми земля 27
Звонари 29

Урок 29
В декабре 30
Старые газеты 31

Дальние маяки

По свету 34
Утро Гаваны 35
Маяк 35
Дом Хемингуэя 36
Плайя-Хирон 37
Парк имени Ленина в Гаване 38
Варьете «Тропикана» 38
Крокодилий питомник 39
Карибское море 40
Европейская трасса 41
Заговор 41
Капитан 42
Музей на Кубе 43
Старый негр 44
Женьшень 44
О том 45
Швеция 46
Стокгольм 46
Орган 47
Паром «Викинг Лайне» 48
В Турку 49
Музей революции в Ханое 49
В буддийских пещерах 50
Болгария 51

Зимние цветы

Рок 54
Качка 54
Сыну 55
Исповедай 56

Ледоход 56
По-простому 57
Зимние цветы 58
Две лыжни 59
Сны 60
Твои глаза 61
Половодье 61
Январь 62
Начало года 63
За городом 64
Деревня 64
Примеры 65
О жизни 66
Без улыбки 67
Главное 68
Молчание 68
О дружбе 69
Прошлое 70
Гимнастки 70
У моря 71
Молва 72
Настроение 73
Утром 73
Слова 74
Ночные самолеты 75
Белая ночь 76
«Золоченую уздечку...» 76
Дождь 77
Осенняя пора 78
Женщина 79
За деревней 79
«Не все состоялось...» 80
Игра 81
Осеннее озеро 82
Женщина Печоры 83
«Осенняя осина» 84
Перед веком 85

Валерий Николаевич Вьюхин

ПОКОЛЕНИЕ

Стихотворения

Редактор П. М. Столповский. Художник Е. С. Холопова. Художественный редактор В. Б. Осипов. Технический редактор А. Н. Вишнева. Корректор А. А. Надуткина.

ИБ 1607

Сдано в набор 17.01.91. Подписано к печати 20.03.91. Формат 70×90 1/32. Бумага № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 3,22. Усл. кр.-отт. 3,37. Уч.-изд. л. 3,20. Тираж 2000. Заказ № 2770. Цена 30 коп. Коми книжное издательство. 167610, г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, 229.

Головное предприятие Республиканского полиграфического производственного объединения. 167610, г. Сыктывкар, ул. Первомайская, 70.

30 к.

КОМИ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1991